

— Я слышал о девушке из семьи господина Юаня, — произнес Ван Чжэнь. — В городе Шэнцзин она известна как выдающаяся поэтесса, и умом, и красотой превосходящая даже Малую княжну из поместья Цзин.

Тан Шэнь сглотнул слюну.

— Младшая дочь правого заместителя министра Приказа ритуалов уступает Внучке господина Юаня в красоте.

Пальцы Тан Шэня дрогнули.

— И пусть законная дочь гуна Динго весьма хороша собой, ей всё же далеко до ума драгоценной жемчужины господина Юаня.

— Старший брат всё знает! — воскликнул Тан Шэнь. Он-то понял, что Ван Чжэню известно, кто именно в эти дни пытался сватать ему невесток!

Ван Чжэнь с улыбкой посмотрел на Тан Шэня и как бы невзначай заметил:

— Если уж выбирать, то дочь господина Юаня — лучшая партия. Что думает младший брат?

— Я не хочу жениться.

— Хм?

Тан Шэнь горько ухмыльнулся:

— Старший брат, не подшучивай надо мной. Мне всего девятнадцать, разве это возраст для брака? И пусть многие в мои года уже обзавелись семьями и встали на ноги, я ещё не построил карьеру — куда мне думать о делах сердечных? Старший брат сам ведь еще не женат, неужели ты меня не понимаешь?

Прошло немного времени, но ответа от Ван Чжэня так и не последовало. Тан Шэнь с удивлением взглянул на него и увидел, как Ван Чжэнь, припустив ясные глаза, неторопливо смотрит на него и тихо произносит:

— Как же мне тебя понимать?

У Тан Шэня пересохло в горле.

Ван Чжэнь вздохнул. До этого он рисовал, но теперь отложил кисть и спросил Тан Шэня:

— Почему ты не хочешь жениться?

— Я ещё слишком мал, — искренне ответил Тан Шэнь.

Ван Чжэнь приподнял бровь:

— А истинная причина?

«Да ведь я говорю чистую правду, а ты не веришь! — подумал Тан Шэнь. — Ван Цзыфэн, и ты способен ошибиться с ответом!»

Будучи человеком из современного мира, да к тому же аспирантом, пробывшим одиноким от

рождения более двадцати лет, Тан Шэнь искренне не хотел вступать в брак в девятнадцать. По его мнению, в девятнадцать лет люди только-только поступают в «Дасюэ», они еще дети, какой там брак! Он планировал поступать так же, как Ван Чжэнь, или хотя бы как Су Вэньюнь — пока не исполнится двадцати пяти, о сводничестве и думать не стоит.

Думая так про себя, Тан Шэнь понимал, что ему придётся выдумать для Ван Чжэня другой ответ. Однако, сколько он ни ломал голову, ничего в ум не приходило. И тут его осенило, и он спросил в ответ:

— А почему тогда старший брат до сих пор не женат?

— А когда я говорил, что не обручен?

Тан Шэнь обомлел:

— А?

Вот черт! Неужели у Ван Цзыфэна есть невеста?

Глядя на широко раскрытые глаза Тан Шэня, Ван Чжэнь слегка улыбнулся:

— Впрочем, я не говорил и того, что обручен.

Тан Шэнь потерял дар речи.

«Не будь ты Ван Цзыфэном, тебя бы рано или поздно просто прибили».

— Просто не встретил подходящего человека.

На первый взгляд казалось, будто Ван Чжэнь бросил эту фразу ради отговорки. Но пораскинув мозгами, Тан Шэнь понял: скорее всего, тот говорил искреннюю правду. Из трех проявлений нечестивости перед родителями самое тяжкое — не оставить потомства. Однако, достигнув столь высокого чина, Ван Чжэнь находился в положении, когда указывать ему могли разве что его родные да сам император.

Чжао Фу не лез в его личную жизнь, да и в Клане Ван из Ланъя авторитет Ван Чжэня был столь велик, что Клан Ван едва ли осмелился бы диктовать ему свои условия. Так что, возможно, всё было именно так, как он сказал: он просто не встретил подходящего человека, ту самую девушку, а потому и оставался неженатым.

Ван Цзыфэн не создал семью лишь потому, что не смог найти ту, с кем можно было бы пройти рука об руку через всю жизнь.

Тан Шэнь подумал: «Но кто в этом мире вообще достоин состариться бок о бок с Ван Цзыфэном?»

На миг он даже не мог вообразить, насколько сказочной небесной девой должна быть та, кто удостоится чести прийти по душе Ван Чжэню.

Тан Шэнь от чистого сердца произнёс:

— Я понял.

Теперь он осознал, почему Ван Чжэнь до сих пор холост.

— Не понял.

Тан Шэнь качнул головой:

— Нет, старший брат, я понял.

«Я понял: ты не женишься потому, что никто тебя не достоин».

Ван Чжэнь пристально смотрел на Тан Шэня, а затем ухмыльнулся и больше не стал возражать.

Оба решили больше не возвращаться к этой теме.

— И как ты собираешься поступать с теми сватами? — спросил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь схватился за голову:

— И сам не знаю. Старший брат и сам понимает: те, кто посылает мне приглашения или прямо приходит на порог, — либо императорские сородичи, либо чиновники выше меня рангом. Ни одного из них я не могу позволить себе обидеть, вот и пришлось прибегнуть к такой крайней мере — спрятаться у тебя.

— Не хочешь вести с ними пустые разговоры?

— Ни в коем случае, — отрезал Тан Шэнь.

Ван Чжэнь с легким щелчком раскрыл белый веер:

— Тогда не будем больше об этом.

На следующий день, к удивлению, к Тан Шэню больше не пришел ни один сват.

Когда Тан Шэнь укрывался в Резиденции министра, свататься к нему туда, естественно, никто бы не дерзнул. Но даже когда он отправился по делам во Дворец Циньчжэн, все те господа, что преследовали его последние несколько дней, словно сквозь землю провалились и больше не докучали ему наставлениями.

Тан Шэнь был в глубоком изумлении. Наблюдав за происходящим полдня, он пришел к выводу:

«А ведь мой старший брат держит свои силы в глубокой тени!»

Человек по имени Ван Цзыфэн оказался ещё страшнее, чем он предполагал.

До девиц из других семей Тан Шэню дела не было. Однако с Наследником княжества Цзин Чжао Цюн у него были весьма добрые отношения, они успешно сотрудничали в торговле мылом. Вернувшись со службы в Резиденцию министра, Тан Шэнь всё хорошенько взвесил, обсудил с Ван Чжэнем план действий, и в ту же ночь составил письмо, которое тайком отправил в Поместье княжества Цзин.

В Поместье княжества Цзин Княгиня Цзин целыми днями умывалась слезами, а Чжао Ао непрерывно хмурил брови и тяжело вздыхал.

Наследник Чжао Цюн от волнения не находил себе места. В этот момент слуга доложил, что от Тан Шэня прибыло письмо. Княгиня Цзин произнесла:

— Неужели этот Тан Шэнь равнодушен к нашей Вань-эр и хочет сосвататься?

Чжао Цюн распечатал послание, сначала удивленно издал «о?», а затем передал письмо Шестому князю Чжао Ао:

— Отец, взгляните.

Прочтя его, Чжао Ао тоже был изумлен.

Князь Цзин позвал сына в кабинет. Посовещавшись целый час, Князь Цзин отправился во дворец.

С наступлением ночи из дворца прибыл молодой евнух и сообщил, что император оставил Князя Цзин ночевать во дворце.

Услышав это, Чжао Цюн облегченно вздохнул. Он сказал Княгине Цзин:

— Сестра, похоже, не пойдет замуж в Государство Ляо.

На следующий день Князь Цзин вернулся. Он позвал Чжао Цюн в кабинет, достал с полки книгу и извлек из нее вложенное письмо. Взгляд Чжао Ао, устремленный на письмо, был сложным, он с сокрушением вздохнул:

— Мы со старшим венценосным братом знали друг друга с детства, росли вместе, однако прошло более пятидесяти лет, а я так и не научился разгадывать его помыслы. Цюн-эр, эти чиновники при дворе хоть и не связаны со священным государем кровными узами, а в умении угадывать высочайшую волю превосходят нас!

Глядя на письмо, Чжао Цюн тоже испытывал глубокие чувства.

Все эти дни из-за династического брака в Поместье княжества Цзин царила беспросветная печаль и раздавались лишь стенания. Чжао Цюн и подумать не мог, что Тан Шэнь пришлет им это письмо. В нем Тан Шэнь прямо указал три возможных пути.

«Династический брак между Сун и Ляо — стрела, уже возведенная на тетиву, выстрел неизбежен. Однако любовь Наследника к своей сестре глубока так, что способна тронуть небеса и землю. Цзинцзэ не мог разогнать печали Наследника и в последние дни не находил себе покоя ни днем, ни ночью. Желая принести хоть малую пользу, позволю себе высказать несколько слов. Если Наследник желает уберечь драгоценную сестру, у Цзинцзэ есть три замысла.

Первый: затяжная болезнь, делающая невозможным дальнейшее путешествие на запад.

Небо сулит нежданную бурю, а человека настигают внезапные невзгоды. Союз двух государств — дело великой важности, а не забава. Если здоровье Малой княжны пошатнется, династический брак отпадет сам собой. Но сей замысел, во-первых, навлечет подозрения Его Величества, а во-вторых, повредит доброму имени Малой княжны.

Второй: небесный союз, наличие уже сотворенной помолвки.

Если прибегнуть к этому замыслу, отыскать достойнейшего зятя — первая трудность; не вызвать излишних подозрений у Его Величества — вторая трудность. К тому же это может разрушить счастье всей жизни Малой княжны.

Третий: наступление ради отступления, атака ради обороны.

Князь Цзин и Его Величество — родные братья, связи которых исполнены глубокой привязанности. В лютые зимние морозы Князь Цзин не раз находился подле Его Величества, деля с ним заботы, и Его Величество также хранит в сердце братскую любовь. Если Князь Цзин попросит аудиенции у Его Величества и сам изъявит желание отдать младшую дочь замуж, проявив при этом едва скрываемую боль, вполне вероятно, в деле откроется путь к спасению.

Да исполнятся желания Наследника и увенчаются успехом все задумки».

О первом и втором плане в Поместье княжества Цзин размышляли и раньше, но, как и отметил Тан Шэнь, их использование не только навлекло бы подозрения Чжао Фу, но и могло разрушить жизнь Малой княжне. Что касается третьего замысла — это был отчаянный рискованный ход. Если бы Чжао Ао сам предложил выдать дочь, а Чжао Фу согласился, то Князь Цзин потерял бы всё.

Однако среди знатных девиц города Шэнцзин наилучшим образом под требования подходила именно Малая княжна из поместья Цзин. Более того, накануне Чжао Ао получил известие, что Чжао Фу склонялся именно к тому, чтобы выдать его младшую дочь замуж в Государство Ляо. К этому моменту оставалось лишь сжечь мосты: победа или смерть. И потому Чжао Ао отправился во дворец. Он сам просил аудиенции у Чжао Фу, изъявив желание выдать свою дочь замуж в Государство Ляо.

Во Дворце Чуйгун Чжао Фу, выслушав слова Князя Цзин, был крайне поражен.

<http://bllate.org/book/18292/1754634>